

**Проблема передачи тропов в поэме Низами Гянджеви
«Семь красавиц» в переводе Владимира Державина
(на примере фрагмента «Пребывание Бахрама в Желтом дворце»)**

Елена Теер

Доктор философии по филологии, доцент
Институт литературы имени Низами Гянджеви НАНА
E-mail: helena.teer@gmail.com

Резюме. Поэма «Семь красавиц» представляет собой не только изысканный образец классической поэтики, но и глубокое философское размышление о человеческой душе, мудрости и гармонии мира. В основе поэмы лежит легенда о царе Бахраме Гуре, который проходит путь духовного самопознания, встречаясь с семью красавицами, живущими в семи дворцах, каждый из которых символизирует определенную планету, цвет и добродетель. В Желтом замке (день недели Воскресенье), который символизирует Солнце, истину и просветление, обитает Туркестанская царица, которая рассказывает историю о справедливом шахе и красоте правды. Этот фрагмент, как и вся поэма, изобилует тропами – метафорами, сравнениями, эпитетами, символами, гиперболами и др., каждый из которых подчеркивает идею сказки и ее философский подтекст. Каждый из этих тропов создает в сказке яркие образы и усиливает главную идею. В философском контексте тропы подчеркивают ключевой вывод сказки: истина и искренность (символизируемые светом и желтым цветом) сильнее хитрых уловок и страсти. В эстетическом плане они насыщают повествование изяществом, делают сюжет образным, привлекая внимание к внутреннему миру героев. Анализ перевода тропов позволяет проследить как трансформируется художественная образность Низами при переносе в иное культурное пространство. Для анализа мы используем поэтический перевод, выполненный известным советским поэтом В. Державиным в 1959 г. В.В.Державин выбрал стратегию художественной адаптации, стремящейся к максимальной близости к оригиналу, но не дословной. Большинство тропов оригинала Державин старался передать как можно ближе к оригиналу. Поэт широко использует эпитеты и сравнения, зачастую соответствующие персидским. Подавляющее большинство метафор, сравнений и эпитетов найдены в русском эквиваленте. Державин сумел во многом передать красоту и богатство поэмы Низами «Семь красавиц». Его стихи также насыщены метафорами и эпитетами. Оригинал Низами и перевод Державина в целом весьма близки по духу.

Ключевые слова: Низами Гянджеви, поэма «Семь красавиц», Владимир Державин, мастерство перевода, тропы

История статьи: поступила – 01.10.2025; принято – 17.10.2025

**The problem of conveying tropes in Nizami Ganjavi's
poem "Seven Beauties" in the translation by Vladimir Derzhavin
(using the fragment "Bahram's Stay in the Yellow Palace" as an example)**

Yelena Teer

Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor
Institute of Literature named after Nizami Ganjavi of ANAS
E-mail: helena.teer@gmail.com

Abstract. The poem "Seven Beauties" is not only an exquisite example of classical poetics, but also a profound philosophical reflection on the human soul, wisdom and harmony of the world. The poem is based on the legend of King Bahram Gur, who goes through a journey of spiritual self-discovery, meeting seven beauties living in seven palaces, each of which symbolizes a certain planet, color, and virtue. In the Yellow Castle (Sunday), which symbolizes the Sun, truth and enlightenment, lives the Turkestan princess, who tells the story of the just shah and the beauty of truth. This fragment, like the entire poem, is rich with tropes – metaphors, comparisons, epithets, symbols, hyperboles, etc., each of which emphasizes the idea of the tale and its philosophical subtext. Each of these tropes creates vivid images in the tale and strengthens the main idea. In a philosophical context, the tropes underscore the key message of the tale: truth and sincerity (symbolized by light and yellow) are stronger than cunning tricks and passion. In aesthetic terms, they imbue the narrative with elegance, make the plot figurative, drawing attention to the inner world of the characters. An analysis of the translation of tropes allows us to trace how Nizami's artistic imagery is transformed when transferred to a different cultural space. For our analysis we use a poetic translation made by the famous Soviet poet V. Derzhavin in 1959. V. Derzhavin chose a strategy of artistic adaptation that strives for maximum closeness to the original, but not verbatim. Derzhavin tried to convey most of the original's tropes as closely as possible to the original. The poet makes extensive use of epithets and comparisons, often corresponding to Persian ones. Most metaphors, comparisons and epithets are found in the Russian equivalent. Derzhavin managed to convey in many ways the beauty and richness of Nizami's poem "Seven Beauties". His poems are also rich in metaphors and epithets. Nizami's original and Derzhavin's translation are generally very close in spirit.

Keywords: Nizami Ganjavi, the poem "Seven Beauties", Vladimir Derzhavin, translation skills, artistic means, tropes

Article history: received – 01.10.2025; accepted – 17.10.2025

Введение / Introduction

Творчество великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви занимает особое место в сокровищнице мировой литературы. Великий азербайджанский поэт XII века создал художественный мир, в котором философская глубина соединяется с изяществом формы и силой чувства. Его поэмы не только отражают духовные и культурные ценности средневекового Востока, но и раскрывают вечные темы – любовь и верность, мудрость и испытание, путь человека к самопознанию. Творчество великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви занимает особое место в сокровищнице мировой литературы. «Характерные для творчества Низами энциклопедизм, новизна тематики, высокие идеалы, новые герои, а также новаторский художественный стиль и оригинальные поэтические находки, благодаря силе своего воздействия стали образцом для художников слова многих народов» [2, с.7].

Низами первым придавал восточной поэме композиционную стройность, психологическую тонкость и символическую многослойность. Его язык насыщен тропами –

метафорами, аллегориями и символами, – через которые раскрывается не только сюжет, но и философия бытия. Каждая поэма Низами – это синтез поэзии и мудрости, в которой чувственное и духовное, земное и небесное сплетаются в гармоническое целое.

Основная часть / *Main part*

Поэма «Семь красавиц» представляет собой не только изысканный образец классической поэтики, но и глубокое философское размышление о человеческой душе, мудрости и гармонии мира. Как писал чл-корр. Бертельс Е.Э., «основой каждой новеллы служит любовное переживание, причем, в соответствии с переходом от черного к белому, грубая чувственность постепенно сменяется в нем просветленной гармоничной любовью. Могучему гению Низами не страшны были эти препятствия: он создал семь шедевров» [3, с.326].

В основе поэмы лежит легенда о царе Бахrame Гуре, который проходит путь духовного самопознания, встречаясь с семью красавицами, живущими в семи дворцах, каждый из которых символизирует определенную планету, цвет и добродетель. В рассказах красавиц, в смене красок и настроений отражаются стадии духовного очищения и путь героя от земных страстей к мудрости и внутреннему равновесию. По словам акад. И. Габиббейли, «во всех повествованиях в качестве наиболее важных идей содержится побуждение к нравственному оздоровлению, совершенствованию человека» [6, с.247].

В Желтом замке (день недели Воскресенье), который символизирует Солнце, истину и просветление, обитает Туркестанская царица, которая рассказывает историю о справедливом шахе и красоте правды. Сказки, рассказанные в этом фрагменте, развивают философскую тему правдивости, или истины как высшей формы морали и исцеляющей силы. Как справедливо отмечал проф. Р. М. Алиев, «по своей увлекательности, эмоциональной насыщенности и напряженности, тщательности отделки, богатству образов, событий, сюжетных поворотов, яркости изображаемых характеров, психологизму эти «вставные» новеллы можно отнести к шедеврам мировой литературы» [1, с.26]. Более того, по мнению проф. М. Д. Кязимова, именно во вставных новеллах отражаются «с наибольшей полнотой и яркостью тематика и идеи произведения, принципы повествования, искусство поэта» [4, с.112].

Этот фрагмент, как и вся поэма, изобилует тропами – метафорами, сравнениями, эпитетами, символами, гиперболами и др., каждый из которых подчеркивает идею сказки и ее философский подтекст.

Каждый из этих тропов создает в сказке яркие образы и усиливает главную идею. Метафоры и сравнения «солнечных» явлений связывают персонажей с высшими ценностями, эпитеты придают тексту поэтичность и церемониальность, гиперболы создают величественный сказочный колорит. В философском контексте тропы подчеркивают ключевой вывод сказки: истина и искренность (символизируемые светом и желтым цветом) сильнее хитрых уловок и страсти. В эстетическом плане они насыщают повествование изяществом, делают сюжет образным, привлекая внимание к внутреннему миру героев. Таким образом, тропы усиливают эмоциональную вовлеченность читателя и помогают глубже воспринять мораль поэмы.

Кроме того, не надо забывать, что все это подразумевает и наличие суфийской символики. В оригинальных текстах Низами метафора – это не просто украшение речи, а способ постижения истины. Поэтому при переводе на русский язык возникает сложная задача: как сохранить духовную и эстетическую красоту оригинала в рамках другой языковой системы.

Анализ перевода тропов позволяет проследить как трансформируется художественная образность Низами при переносе в иное культурное пространство. Для анализа мы будем использовать поэтический перевод, выполненный известным советским поэтом В.В. Державиным в 1959 г.

Поэма «Семь красавиц» написана классическим размером персидской поэзии бахр-е хафиф, одной из разновидностей аруза. Он дает мягкий напевный ритм, подходящий для повествования и философской поэзии. Двустопишия рифмуются по принципу аа/бб/вв и т.д.

В.Державин для своего перевода выбрал 12-сложный стих с цезурой (6+6), так называемый александрийский стих, с мужскими окончаниями, наиболее удобный для плавной, торжественной речи. Рифма в переводе переменная, чаще парная или перекрестная, адаптированная к русской эпической строфе.

Сравним. Низами:

چو گریبان کوه و دامن دشت از ترازوی صبح پر زر گشت
روز یکشنبه آن چراغ جهان زیر زر شد چو آفتاب نھان
[7, с.338]

(Когда воротник горы и пола степи
Весы утра наполнили золотом,
Светоч мира [Бахрам] в воскресенье,
Словно солнце, скрылся под золотом [1, с.212]

В.Державин

В час, когда нагорий ворот и пола степей
Позлатилась ярким блеском солнечных лучей,
В воскресенье, словно солнце поутру, Бахрам
В золотое одеянье облачился сам [5, с.426]

Как видим, здесь сохраняется та же метафора “горный ворот” и “подол степей”, явственно отсылающая к одежде, – переводчик подыскал удачные соответствия, передав изобразительность оригинала практически буквально. Отличие в том, что Низами использовал образ «весов утра» – утро будто отмеряет золото на весах, – тогда как Державин опустил мотив весов, упростив до прямого «*позлатились... лучами*». Это не сильно снижает эффект: и оригинал, и перевод создают яркую картину золотого утра, задающую приподнято-торжественный, радостный тон повествования.

В оригинале утро воскресенья не случайно связано с солнцем (Солнце соответствует воскресенью и желтому цвету дворца). Бахрам, войдя в желтый павильон, сам уподобляется солнцу: «*روز یکشنبه آن چراغ جهان / زیر زر شد چو آفتاب نھان*» – «Светоч мира [Бахрам] в воскресенье / Словно солнце, скрылся под золотом». Далее прямо говорится, что шах принарядился в золотые регалии: «*جام زر بر گرفت چون جمشید / تاج زر بر نهاد چون خورشید*» – «Взял он золотую чашу, словно Джамшид, / Возложил на голову золотой венец, подобный солнцу». Низами вводит здесь сразу два образа: мифический царь Джамшид, обладавший волшебной чашей, и сравнение лица Бахрама с сиянием солнца. В.Державин передаёт эту картину несколько иначе, но с сохранением основной идеи блеска и царской роскоши: «*В воскресенье, словно солнце поутру, Бахрам / В золотое одеянье облачился сам. / И подобен солнцу утра красотой лица, / Он вошел под свод высокий желтого дворца*». Мотив сравнения с солнцем, подчеркивающий сияющую внешность шаха, сохранен дважды. Золотой кубок и пиршество также присутствуют: «*Сердце в радости беспечной там он утопил, / Внемля пенью, из фиала золотого пил*» – здесь «*фиал золотой*» соответствует кубку Джамшида, хотя имени

Джамшида уже нет. Державин опускает прямое упоминание древнеперсидского царя, но функцию символа – подчеркнуть царскую славу Бахрама – выполняет описание золотой чаши и безымянное сравнение с легендарным богатырем. Таким образом, перевод сохраняет царственную символику золота и солнца. Эмоционально обе версии создают впечатление великолепия, праздничности: Бахрам купается в роскоши и счастье, что одинаково чувствуется и в оригинале, и в переводе.

После дня веселья наступает вечер: «چون شب آمد، نه شب که حجله ناز / پرده عاشقان خلوتسا» – «Когда наступила ночь, нет, не ночь, обитель неги для новобрачных, / завеса, укрывающая влюбленных». Этот красивый оборот подчеркивает интимную атмосферу ночи. Державин следует ему: «*А когда померк лучистый тот воскресный день / И в покое брачном шаха воцарилась тень*». Символика ночи как времени любовного уединения и покоя перенесена почти буквально. Образ ночи символизирует переход от веселого дня к следующей сцене – просьбе рассказать сказку - и создает романтическое ожидание.

В оригинале шах обращается к принцессе, прося её начать рассказ. Низами при описании принцессы использует яркую метафору: «شه بدان شمع شگرافشان گفت / تا کند لعل بر طبرزد» – «Шах сказал источающей сахар свече, чтобы ее рубины сочетались с табарзадом (сахаром)». Одновременно здесь видим изящный эпитет, намекающий на красоту принцессы и сладость ее речи – «свеча, источающая сахар». Далее «*Соединить рубин со сладостью*» – идиома, означающая соединить рубиновые уста с сахарными словами, т. е. начать говорить сладким голосом. Державин интерпретирует эти образы по-своему: «*Шах светильнику Китая нежному сказал, / Чтоб она с прекрасным словом свой сдружила лад*». Слово «нежному» придает эпитету эмоциональную окраску мягкости и ласки. Идиому «соединить рубин с сахаром» Державин заменяет на «*с прекрасным словом свой сдружила лад*», то есть чтобы она подружила свой лад (настроение или мелодию) с прекрасным словом. По сути, это значит то же самое – сочетать музыку голоса с хорошим словом – но выражено менее образно, без драгоценных камней. Тем не менее, общая функция фразы сохранена: шах просит принцессу рассказать чудесную историю, сочетая красоту слова и мелодичность речи. Эмоционально оригинал через образы сахара и рубина подчеркивает сладость и драгоценность речи рассказчицы, а перевод через «прекрасное слово» и «нежный светильник» – её утонченность и сияние.

Перед тем как начать рассказ, принцесса восхваляет могущество Бахрама: «کای خداوند روم» – «О владыка Рума, Чина и Тараза!». Эти три топонима обозначают обширность власти шаха: то есть от Европы до Китая. Державин передает эту фразу так: «*О мой шах, тебе подвластны Рум, Туран, Тараз*». Здесь заметно изменение: вместо «Чин» появляется «Туран». Вероятно, переводчик решил заменить Китай на Туран – поэтическое обозначение Средней Азии в древние географические корны. Возможно, это сделано для аллитерации (повторение *p* и *m*) или рифмы. Так или иначе, названия сохранены, и смысл – шах властвует над всем миром – тоже. Далее принцесса добавляет гиперболическое предупреждение: «هرکه / جز بندگیت رای کند / سر خود را سیل پای کند» – «Тот, кому придет в голову не быть покорным тебе, / Да положит свою голову тебе под ноги». Державин передал эту угрозу ещё ярче: «*Кто тебе не подчинится дерзостной душой, / Под ноги слону да будет брошен головой*». Здесь поэт добавляет отсутствующий в оригинале образ «дерзостной душой», а также усиливает образ, добавляя слона: непокорный будет брошен под ноги слону. Поэт использует конкретизацию и гиперболу, чтобы русскому читателю был понятен масштаб кары. Это повышает эмоциональное воздействие.

После похвалы принцесса начинает своё повествование. Низами плавно переходит к сказке, сравнивая речь рассказчицы с ароматным дымом: «چون دعا را گزارشی سره کرد / دم خود را» – «Изложив свою чистосердечную молитву до конца, / Она обратила свои уста

в жаровню для благовоний». Этот красивый образ подготавливает нас к тому, что её слова будут приятны и благоуханны, как ладан. Державин поэтично отразил это: «*И рассказ царицы Чина зазвучал пред ним; / Он струился, как кадилаица благовонный дым*». Перевод очень близок: речь сравнивается с дымом кадила, плавно струящимся и благоухающим, метафора сохранена полностью, и она одинаково «работает» и в оригинале, и в переводе, создавая настроение таинственности и сакраментальности момента.

Приведённые примеры показывают, что большинство тропов оригинала Державин старался передать как можно ближе к оригиналу. Он широко использовал эпитеты и сравнения, зачастую соответствующие персидским. Подавляющее большинство метафор, сравнений и эпитетов найдены в русском эквиваленте. То же касается и символов: цветовая символика (желтый цвет дворца, золотое убранство) подчеркнута в переводе ничуть не меньше оригинала; упоминания легендарных и исторических фигур в основном сохранены, лишь изредка заменены на близкие понятия.

Однако есть и небольшие расхождения, которые интересны с точки зрения переводческой стратегии. Державин иногда смягчает или проясняет образы, вероятно, чтобы сделать их более понятными русскому читателю середины XX века.

Перевод во многом соответствует оригиналу: это не сниженный, не упрощённо-прозаический пересказ, а именно поэма, старающаяся сохранить атмосферу восточной сказки. Образные средства оригинала нацелены на возбуждение у читателя чувства восторга перед красотой природы и царской пышностью, восхищения мудрым и могучим шахом, а затем – любопытства и очарования от сказочной истории. Перевод старается вызвать те же эмоции.

Выводы / Conclusion

В результате проведенного исследования можно заключить, что поэт В.В.Державин выбрал стратегию художественной адаптации, стремящейся к максимальной близости к оригиналу, но не дословной. Его перевод нельзя назвать ни сугубо буквальным, ни совсем вольным пересказом – он балансирует между точностью и творческой свободой.

Оригинал и перевод рассматриваемого фрагмента «Семи красавиц» принадлежат к разным культурным и языковым традициям, что накладывает отпечаток на их поэтику. Главное отличие – богатство персидской поэзии, основанное на игре слов, символических аллюзиях и гиперболе, против более прямолинейной образности русского классического стиха.

Ещё одно отличие – имена и названия. Низами упоминает реальные и легендарные топонимы и имена, предполагая осведомленность читателя. Державин решил оставить многие из них, лишь кое-где заменив.

Вместе с тем, следует подчеркнуть общую поэтическую близость обоих текстов. Державин сумел во многом передать красоту и богатство поэмы Низами «Семь красавиц». Его стихи также насыщены метафорами и эпитетами. Оригинал Низами и перевод Державина в целом близки по духу. Оригинал изобилует игрой смыслов, перевод более прямолинеен в их выражении. В.В. Державин постарался максимально сохранить поэтическое своеобразие «Семи красавиц» для русской аудитории, хотя и ценой отдельных преобразований. Таким образом, главный поэтический контраст между оригиналом и переводом заключается в том, что персидский текст предстает перед читателем как сокровищница намеков и восточной гиперболы, тогда как русский перевод превращает ее в понятную и гармоничную картину, не утратив при этом красоты и образности оригинала.

Литература / References

1. Алиев Р.М. Низами и его поэма «Семь красавиц». // Низами Гянджеви. Семь красавиц (Филологический перевод с фарси, предисловие и комментарии Р.Алиева). – Баку: Элм, 1983.
2. Араслы Н.Г. Низами Гянджеви и турецкая литература. – Баку: Элм ве тахсил, 2021.
3. Бертельс Е.Э. Низами и Фузули. – Москва: Издательство Восточной литературы, 1962.
4. Кязымов М.Д. «Хафт Пейкар» Низами и традиция назире в персоязычной литературе XIV-XVI вв. – Баку: Элм, 1987.
5. Низами Гянджеви. Семь красавиц. Пять поэм (Перевод В.В.Державина). – Москва: Художественная литература, 1968.
6. Həbibbəyli İsa. Böyük Azərbaycan şairi Nizami Gəncəvi. – Bakı: Elm, 2021.
7. نظامی گنجوی. هفت پیکر. متن علمی و انتقادی، مقدمه و حواشی بقلم طاهر احمد اوغلو محرم اوف. مسکو، اداره انتشارات، دانش، شعبه ادبیات خاور. ۱۹۸۷. ۷۱۰ص

Vladimir Derjavinin tərcüməsində Nizami Gəncəvinin “Yeddi gözəl” poeməsindəki tropların çatdırılması problemi (“Bəhrəmin Sarı sarayda qalması” fraqmentindən nümunə kimi istifadə olunur)

Yelena Teyer

Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
AMEA Nizami Gəncəvi adına Ədəbiyyat İnstitutu
E-mail: helena.teer@gmail.com

Аннотасија. “Yeddi Gözəl” poeması təkcə klassik poeziyanın incə bir nümunəsi deyil, həm də insan ruhu, müdriklik və dünyanın harmoniyası haqqında dərin fəlsəfi bir düşüncədir. Poemanın əsasını şah Bəhrəm Gur haqqında əfsanə təşkil edir; o, yeddi sarayda yaşayan yeddi gözəl ilə görüşərək mənəvi özünü tanıma yolundan keçir, hər saray isə müəyyən bir planet, rəng və fəziləti simvollaşdırır. Həmin saraylardan biri Günəşi, həqiqəti və mənəvi aydınlanmanı simvolizə edən Sarı sarayda (həftənin bazar gününə uyğun gəlir) Türkünən şahzadəsi yaşayır. O, ədalətli bir şah və həqiqətin gözəlliyi haqqında ibrətəmə bir hekayə nəql edir. Bu parça və bütün poema metaforalar, bənzətmələr, epitetlər, simvollar, hiperbolalar və digər bədii vasitələrlə zəngindir, hər biri nağılın ideyasını və onun fəlsəfi alt mətnini vurğulayır. Bu bədii vasitələrin hər biri nağılın içində canlı obrazlar yaradır və əsas ideyanı gücləndirir. Fəlsəfi kontekstdə bu bədii vasitələr nağılın əsas nəticəsini vurğulayır: həqiqət və səmimiyyət (işıq və sarı rənglə simvollaşdırılır) hiyləgər hiylələrdən və ehtirastan güclüdür. Estetik baxımdan isə bu bədii vasitələr hekayəyə zəriflik qatır, süjeti daha obrazlı edir və qəhrəmanların daxili dünyasına diqqəti cəlb edir. Bədii vasitələrin tərcüməsinin təhlili Nizaminin bədii obrazlılığının başqa bir mədəni mühitə keçərkən necə transformasiya olduğunu izləməyə imkan verir. Bu təhlildə tanınmış sovet şairi Vladimir Derjavin tərəfindən 1959-cu ildə həyata keçirilmiş poetik tərcümədən istifadə edilmişdir. V.Derjavin sözbəsöz tərcümədən çəkinərək, orijinala mümkün qədər yaxın olan bədii adaptasiya strategiyasını seçmişdir. O, orijinaldakı bədii təsvir vasitələrinin əksər hissəsini mümkün qədər yaxın şəkildə çatdırmağa çalışmışdır. Tərcüməçi geniş şəkildə epitetlərə və bənzətmələrə müraciət edir və onların çoxunu fars dilindəki orijinal mənbəyə uyğunlaşdırır. Məcəzlar, epitetlər və bənzətmələrin böyük hissəsi rus dilində uğurlu ekvivalentlərlə əvəz olunmuşdur. Derjavin, Nizaminin “Yeddi gözəl” poemasının poetik zənginliyini və estetik dəyərini tərcümədə böyük ustalıqla əks etdirməyə nail olmuşdur. Onun poetik tərcüməsi həm məzmun, həm də ruh baxımından orijinal mətnə kifayət qədər yaxındır.

Açar sözlər: Nizami Gəncəvi, Yeddi gözəl poeması, Vladimir Derjavin, tərcümə ustalığı, bədii vasitələr, troplar